

Цзян Суйчжоу остался у Сюй Ду исключительно из-за дикой усталости. Сначала изматывающий день в министерстве, потом психологическая дуэль с Сюй Ду — на ужине он не смог проглотить и пары кусков. Когда посуду унесли и он собрался уходить, стоило ему встать, как мир вокруг него завертелся с такой силой, что он едва не рухнул.

Сюй Ду успел подхватить его под локоть.

— Ван-е слишком слаб, вам нельзя так изнурять себя, — сказал он.

Цзян Суйчжоу судорожно вздохнул, пытаясь прийти в себя. Опираясь на стол, он слабо махнул рукой:

— Скоро праздник именин, в Министерстве ритуалов сейчас каждый день такой.

Сюй Ду помог ему сесть на кушетку и зажег успокаивающие благовония.

— Да, в это время года при дворе всегда суматоха. Позвольте, я пришлю лекаря?

Цзян Суйчжоу покачал головой.

— Не нужно. Лишняя возня только добавит усталости.

Сюй Ду кивнул:

— Справедливо. Тогда я велю сварить для Ван-е успокаивающий отвар. Оставайтесь сегодня здесь, отдохните.

Предложение было разумным. От этого двора до павильона Аньинь путь был неблизкий — через весь большой сад. Цзян Суйчжоу везде передвигался в паланкине, но в саду на нем не проехать, пришлось бы делать крюк в обход. Тряска и холодный ночной ветер только добились бы его. Цзян Суйчжоу уже готов был согласиться, но вдруг спохватился:

— А в твоих покоях есть лишнее место для сна?

Сюй Ду улыбнулся:

— Не беспокойтесь, Ван-е. Во внутренней комнате за ширмой есть кровать, там обычно спит Чанцзюнь, когда задерживается у меня.

Услышав, что кровать найдется для каждого, Цзян Суйчжоу с облегчением кивнул. Когда так хочется лечь, уже неважно, чья это кровать. Так он и остался на ночь у Сюй Ду.

В ту ночь Цзян Суйчжоу спал плохо. То ли аромат туши в комнате был слишком слабым, то ли кровать Сюй Ду оказалась жестковата, но принцу постоянно казалось, что чего-то не хватает. Он то просыпался, то снова засыпал, проваливаясь в тревожные сны. Утром он встал с «ватными» ногами и темными кругами под глазами.

А сегодня еще и большая утренняя аудиенция. Цзян Суйчжоу поднялся, чувствуя тяжесть в голове. Он злился на себя: «Надо было не лениться и идти спать к себе».

Мэн Цяньшань уже ждал его у ворот двора Сюй Ду. Поскольку путь к выходу из поместья всё равно лежал через парадный двор, евнух не стал приносить парадное облачение сюда. Цзян

Суйчжоу наспех перекусил у Сюй Ду и сразу направился в Аньинь.

Когда он переступил порог, его взгляду предстала высокая, статная фигура, сидящая за столом в главном зале. Первые лучи солнца удлинляли тень этого человека, и она падала на свиток с изображением бамбука, висящий на стене, напоминая острое лезвие, вонзенное в чашу леса. Это Хо Уцзю завтракал.

Цзян Суйчжоу перешагнул порог. Хо Уцзю продолжал есть, сидя идеально прямо, и даже не удостоил его взглядом. Такое холодное отношение было Цзян Суйчжоу до боли знакомым, даже в чем-то родным. Раздражение от бессонной ночи немного утихло. Он не стал спорить с Хо Уцзю и уж тем более не навязывался с приветствиями. Принц сделал вид, что не замечает генерала, и, опираясь на руку Мэн Цяньшаня, прошел мимо него во внутренние покои, чтобы переодеться к аудиенции.

Пока они шли, Мэн Цяньшань принялся негромко и занудно жаловаться...

— Ван-е, хорошо ли господин Сюй услужил вам прошлым вечером? Гляжу, на вас лица нет... — начал было Мэн Цяньшань, но Цзян Суйчжоу резко оборвал его.

— Много болтаешь, — отрезал он.

Мэн Цяньшань тут же зачастил с извинениями.

Цзян Суйчжоу помолчал немного и добавил: — Оконная бумага в покоях Сюй Ду совсем истрепалась. Вели сегодня кому-нибудь сходить туда и проверить: всё, что износилось, заменить на новое.

Бумага там и впрямь была никудышная — всю ночь свистел ветер. И если другие этого не замечали, то Цзян Суйчжоу пострадал сполна: проснувшись утром, он почувствовал, что нос совсем заложило.

Мэн Цяньшань покорно закивал. Переговариваясь, они скрылись во внутренних покоях. Цзян Суйчжоу не видел, как в тот миг, когда он зашел за ширму, Хо Уцзю поднял голову и, нахмурившись, посмотрел ему в спину.

Походка нетвердая, под глазами синяки — сразу видно, вымотался. Раньше, даже когда принц всю ночь спал на жесткой кушетке, он никогда не выглядел таким изнуренным. От чего еще можно так устать за одну ночь?

Хо Уцзю внезапно почувствовал, что палочки в руке стали какими-то неудобными — как ни старайся, еда выскальзывается, и хватка невольно стала жестче.

Он честно пытался сосредоточиться на блюде перед собой, но безуспешно. Перед глазами стоял образ Цзян Суйчжоу. Хватило одного мимолетного взгляда, чтобы этот облик врезался в память, заставляя гадать: чем же принц занимался прошлой ночью?

Палочки в руках Хо Уцзю превратились в холодное оружие: кусок говядины с прожилками был раздавлен парой резких движений. Но подцепить его так и не удалось. Раздраженно выдохнув, он бросил палочки на стол.

«Наверняка всё из-за того, что я плохо спал ночью. Отсюда и скверное настроение, и дурацкие мысли в голове».

Раньше он никогда не страдал бессонницей. Будь то застава Янгуань, где ветер воет по-волчьи, или заснеженные степи, где доспехи примерзают к коже — он всегда спал крепко. И надо же, именно здесь, всего лишь из-за отсутствия одного человека в комнате, он не смог сомкнуть глаз.

«...Всё этот принц Цзин».

Сам — ходячая немощь, пару шагов ступит и уже задыхается, нет бы в комнате отдохнуть, так у него, оказывается, хватает сил безобразничать в покоях наложника? А на словах-то: «ты мне дорог», «рука не поднимается»... Похоже, на остальных в заднем дворе его рука поднимается очень даже легко. Натешился, вернулся, и первым делом велит окна им менять. Лживый, слащавый пустозвон. Этот принц Цзин определенно не тот, за кого себя выдает.

Цзян Суйчжоу, сменив одежду на парадную, поспешно уехал. Придворным запрещалось брать слуг во дворец, поэтому Мэн Цяньшань, проводив хозяина до ворот, вернулся в Аньинь, чтобы прислуживать той самой «госпоже», что сидела со штыком в спине и каменным лицом.

Обычно эта «госпожа» вела себя тихо. Он всё делал сам и прислуживать ему было одно удовольствие. Но сегодня...

Мэн Цяньшань чувствовал, что что-то не так. А что именно — понять не мог. Тот и раньше был неразговорчив, и сегодня молчал как рыба. Обычно сидел в углу с книгой — и сегодня сидел так же. Но Мэн Цяньшань кожей чувствовал: атмосфера в комнате тяжелая, как перед грозой. Это давило на него так сильно, что он места себе не находил, мечась по комнате, словно залетевшая муха.

Взвесив всё, евнух рассудил: хоть господин Хо и не жалуется Ван-е, но со вчерашнего дня он ни разу не вспылит. Попробовать развеселить его — дело точно не лишнее.

С этими мыслями Мэн Цяньшань осторожно подкрался к Хо Уцзю.

— Господин, сегодня погода чудесная, не желаете ли, чтобы ничтожный слуга сопровождал вас в сад проветриться?

Сунь Юань, стоявший рядом, невольно поднял голову и посмотрел в окно. Небо было серым и унылым. В Линьане весной часто льют дожди, и последние дни небо затянуто свинцовыми тучами. С чего бы это погода «чудесная»? Он перевел взгляд на Хо Уцзю.

Тот смотрел в книгу, не проронив ни слова. Мэн Цяньшань знал: если этот господин не говорит «нет», значит, он согласен.

Восприняв это как высочайшее повеление, евнух просиял и строго глянул на Сунь Юаня:

— Господин желает прогуляться, чего застыл? Живо за дело!

Сунь Юань поспешно покати кресло вслед за Мэн Цяньшанем.

Поместье принца Цзин было спланировано с большим вкусом, а павильон Аньинь занимал лучшее место. Стоило выйти за ворота и повернуть на юг, как они попадали в сады. Бывший владелец этого места был человеком богатым и притязательным: он обустроил восемнадцать видовых площадок, и у каждой была своя история и своя эстетика.

Мэн Цяньшань служил здесь три года и знал каждый камень. Желая угодить Хо Уцзю, он без умолку расписывал красоты каждой беседки, сопровождая рассказ живыми жестами. Однако Хо Уцзю не проявлял ни малейшего интереса. Он сидел в кресле с ледяным лицом, не давая никакой обратной связи, будто был глухим. Зато Сунь Юань слушал, раскрыв рот. Куда Мэн Цяньшань указывал — туда он и смотрел, то и дело восхищенно прицокивая языком, за что получал сердитые взгляды евнуха.

Так они медленно двигались по саду, пока не перешли каменный мостик, ведущий к бамбуковой роще.

— Взгляните, господин! Перед нами знаменитая «Мелодия ручья в бамбуковой чаше»! Это не просто роща. Стоит нам перейти мост и углубиться в заросли, как мы увидим...

Вдруг воодушевленный голос Мэн Цяньшаня осекся.

Сунь Юань, не понимая, что случилось, проследил за его взглядом. В глубине рощи, там, где журчал ручей и вилась тропинка, под сенью сотен изумрудных стеблей стоял каменный стол для игры в вэйци (или Го). Изящная резьба, уединенное место... И в этот момент за столом сидели двое. Один в красных одеждах, другой в лазурных — они увлеченно вели партию среди бамбука.

Мэн Цяньшань мысленно проклял всех богов и готов был дать себе пощечину. Он резко затормозил и, схватив Сунь Юаня за плечи, попытался развернуть кресло на узком мостике.

— ...Ой, ничтожный слуга всё перепутал! Подумаешь, бамбук, смотреть тут не на что. Впереди тупик, давайте скорее назад, я покажу вам место получше...

Но тут подал голос тот самый «молчаливый предок» в кресле.

— Разве мы не шли слушать «мелодию ручья»? — произнес он. — К чему разворачиваться? Иди вперед.

Его холодный голос звучал так, будто слова выдавливали сквозь зубы. Мэн Цяньшань готов был рухнуть на колени.

«Вы всю дорогу меня игнорировали, а сами, оказывается, слушали?!»

Он хотел было уговорить Хо Уцзю не ходить в ту сторону, но когда склонился к нему, лицо генерала оказалось прямо перед ним. Он увидел, что глаза Хо Уцзю — черные, как тушь — стали холодными и острыми. От бывшего безразличия не осталось и следа. Сейчас он смотрел вперед взглядом хищного ястреба.

На миг Мэн Цяньшаню показалось, что перед ним не пленник, а полководец на поле боя, за чьей спиной стоят тысячи воинов, и чьи глаза горят решимостью лично снести голову вражескому вождю.

Мэн Цяньшань проследил за его взглядом. ...Этот грозный «предок» смотрел на Сюй Ду.